

УДК 82.09(470)(092)+32(091)

**И.С. ТУРГЕНЕВ И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ
(1878–1883 гг.)**

© 2018 г.

В.А. Кутаев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

vlakit2@mail.ru

Поступила в редакцию 25.06.2018

Анализируются отклики И.С. Тургенева на наиболее значительные акты народнического террора, его оценки возможностей и перспектив революционного движения в России на рубеже 1870–1880-х гг., изображение революционеров в последних произведениях и творческих замыслах писателя.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, М.М. Стасюлевич, Л.А. Полонский, П.Л. Лавров, Вера Засулич, Ипполит Мышкин, Александр Соловьев, Софья Перовская, народничество, террор, Александр II, Александр III, «Новь», «Порог», «Чернорабочий и белоручка», «Отчаянный», «Наталья Карповна».

Важным компонентом общественно-политической позиции И.С. Тургенева на рубеже 1870–1880-х гг. было его отношение к теории и практике революционного движения в России. Содержательное наполнение этого сегмента мыслительной работы и социального поведения писателя во многом (если не во всем) определяло особенности его либерализма. Здесь будут рассмотрены реакция Тургенева на наиболее значительные террористические акты народников, оценка им потенциала и перспектив революционного движения в России, изображение революционеров в его последних произведениях, а также особенности прорисовки их образов в неосуществленных творческих замыслах, относящихся к началу 80-х гг.

О реакции Тургенева на покушение Веры Засулич (24 января 1878 г.) и оправдательный приговор по ее делу (31 марта 1878 г.) мы можем судить, опираясь на три источника. Первый из них – тургеневское письмо редактору «Вестника Европы» М.М. Стасюлевичу от 31 января (12 февраля), в котором говорилось: «История с Треповым – новая иллюстрация старой поговорки: “Как аукнется, так и откликнется”» [1, с. 275]. Нельзя не расслышать в этих словах ноток эмоционального оправдания поступка Засулич.

Тургенев, разумеется, не мог не прислушиваться к тому, что говорилось в связи с выстрелом Засулич и судом над ней в идейно родственном ему кругу «Вестника Европы». Руководители журнала не могли, конечно, предугадать того, что выстрел Засулич запускает маховик революционного террора, и не восприняли этот факт как знак скорого перехода своих идейных противников к крайним средствам в противостоянии власти. Оправдательный приговор Засулич, вынесенный Петербургским ок-

ружным судом, стал неожиданностью для Стасюлевича, но он находил политически ошибочным сомневаться в правильности решения суда и был готов «назвать черное белым, только бы не попасть хотя бы по наивности в защитники треповских порядков» [2, с. 333].

Этой же логике вынужденной защиты вердикта присяжных подчинялся и Л.А. Полонский в своем отклике на процесс 31 марта, который содержался во «Внутреннем обозрении» майского номера журнала. Тургенев оценил это выступление как «замечательное» [1, Письма, т. 12, кн. 1, с. 322], и оно, конечно же, должно быть привлечено для характеристики позиции писателя. Решение суда, говорилось здесь, не представляло ничего экстраординарного, ибо он оправдал «лицо», а не «действие, им совершенное». Приговор о невиновности Засулич был всего лишь «признанием бедственности обстоятельств», под влиянием которых действовала подсудимая. Обозреватель журнала отказывался видеть в реакции публики, находившейся в зале, на решение суда демонстрацию политических единомышленников Засулич. Сам же ее поступок не означал «никакого нравственного разложения в обществе»: «он является и останется действием единичным» [3, с. 347, 355].

Итак, в «Вестнике Европы» полагали, что покушение не создает прецедента. Но обществу и правительству надлежало вынести из ее дела важный урок. Суть его заключалась в том, что крепкое обеспечение общественного порядка было невозможно без установления однородности «принципов всего общественного строя», не допуская, чтобы закону противостояли, как в дореформенные времена, «полицейские правила».

Время создания Тургеневым стихотворения в прозе «Порог» (май 1878 г.), конечно же, подводит к вопросу о мере воздействия на его

замысел и нарисованный здесь образ девушки-революционерки истории В. Засулич. Но даже если не считать дело Засулич единственной побудительной причиной создания «Порога», как это принято в тургеневедении, вряд ли удастся доказать отсутствие всякой связи между ними.

Образ героини стихотворения нередко прочитывается как знак безусловного преклонения автора перед жертвенностью женщин – участниц революционного движения 1860–1870-х годов. Такая трактовка в особенности характерна для работ по истории революционного народничества, появившихся в советский период. В слове «святая» надлежало видеть отношение самого Тургенева к своей героине. Между тем далеко не всегда принимаются во внимание оценки, которые давал Тургенев своей парижской знакомой, участнице революционного движения Анне Кулишевой. Ему пришлось просить за нее российского посла во Франции кн. Н.А. Орлова, чтобы предотвратить высылку из Франции в Россию. Кулишевская тема проходит через переписку Тургенева с П.В. Анненковым, относящуюся к апрелю 1878 г. Характер высказываний Тургенева здесь задает несколько иной угол зрения на позицию автора в стихотворении «Пролог».

Вот характеристика Анны Кулишевой из письма Тургенева Анненкову от 24 апреля (6 мая) 1878 г.: «...Это молодая, недурная, очень ограниченная и очень бойкая бакунистка или, как говорят теперь, “вспышечница” (от слова: “вспышка”), проповедующая, что не надо учить, а подымать и зажигать народ и т.д. Говорит она очень хлестко, как любой русский журнал – и, я полагаю, равно способна на глупость и на самопожертвование (выделено мной. – В.К.). Явление недюжинное – но не необыкновенное» [1, Письма, т. 12, кн. 1, с. 315]. Соседство «глупости» и «самопожертвования» здесь сразу же отсылает нас к оценочной паре в «Пороге»: «святая – дура». Эта очевидная, на наш взгляд, связь – дополнительный аргумент в пользу датировки текста стихотворения маем 1878 г. прежде всего. Но не говорит ли она, кроме того, и о неоднозначности оценки Тургеневым героини «Порога»?

У Тургенева была возможность публично откликнуться на процесс Засулич. Берлинский литературно-политический еженедельник «Die Gegenwart» предложил ему написать статью об этом событии. Однако писатель отказался, удовлетворившись тем обстоятельством, что европейская пресса, по его словам, «уже увидела интимнейшую связь» между героиней «Нови» Марианной и Верой Засулич, а сам автор романа был наречен «пророком» [1, Письма, т. 12, кн. 1, с. 312].

Выстрел Засулич прозвучал на следующий день после завершения грандиозного процесса «193-х». Ни его размах, ни самоотверженность Засулич, видимо, не убеждали Тургенева в благоговитости для России того дела, которому отдавалась революционно настроенная часть молодежи. В противном случае невозможно объяснить идейную направленность стихотворения в прозе «Чернорабочий и белоручка (Разговор)», которое было написано Тургеневым в апреле 1878 г. Оно исполнено неверия в то, что революционеры могут быть поняты народом и способны повести его за собой. Но при всем том неиссякаемым оставался художнический интерес писателя к революционеру как общественному явлению. Об этом свидетельствовал П.А. Кропоткин. Его в 1878 г. Тургенев расспрашивал о личности центральной фигуры процесса «193-х» – Ипполита Мышкина: «Я хотел бы знать все, касающееся его <...> – Вот человек, – ни малейшего следа гамлетовщины» [4, с. 375].

Только после убийства шефа жандармов Н.В. Мезенцова 4 августа 1878 г. в редакционном кругу «Вестника Европы» осознали рождение проблемы революционного терроризма в России. Если в отклике журнала на процесс Засулич был обойден молчанием вопрос о политической подоплеке ее покушения на петербургского градоначальника Трепова, то теперь внятно прозвучали слова о явлении «политического фанатизма». «Вестник Европы», продемонстрировавший известную толерантность в отношении революционного движения публикацией «Нови» и реакцией на дело Засулич, почувствовал наконец необходимость решительно отмежевать основополагающие ценности либерализма от новой тенденции в радикализме. «<...> Если смысл либерализма – в том, чтобы стремиться к улучшению законов с целью большего и большего обеспечения личности в государстве, – говорилось в сентябрьском «Внутреннем обозрении», – то что может быть противоположное этому смыслу, как убийство, совершаемое над личностью для отрицания законов и самого государства?» [3, 1878, № 9, с. 392].

Оформление политического терроризма, быстрое нарастание его волны должны были, конечно, стать серьезным испытанием для тех русских либералов, кому по-прежнему была дорога идея единства освободительного движения. К их числу принадлежал и Тургенев. Воодушевленный горячим приемом московской молодежи в начале весны 1879 г., он воспринял эту демонстрацию как знак осуществимости союза между либеральными «отцами» и радикальными «детьми». Надеждой на него была

пронизана речь писателя, произнесенная в Москве 6 марта 1879 г.

Указывая на то, что Россия стоит «накануне хотя близкого и законно правильного, но значительного перестроя общественной жизни», Тургенев выражал надежду на то, «нынешнее молодое поколение» в союзе со «старыми либералами» dokonчит начатое в 1861 г., т.е. добьется установления конституционного порядка. «Сочувствую всем стремлениям молодежи, – говорил он, – но полагаю, что она хорошо делает, сближаясь с нами: есть чему поучиться и у нас, стариков. Во всяком случае, от души желаю, чтобы она так же честно и серьезно, так же избегая напрасных увлечений вдаль и по сторонам, но и не отступая ни шагу назад, относилась к своим задачам, как то делали иные из моих сверстников, имена которых проложили славный след в истории русского просвещения» [1, Соч., т. 15, с. 58–59]. Тургенев выражал надежду на появление «новых Белинских и новых Грановских» – дорогой для Тургенева символ единства умеренных и радикалов в западничестве 40-х годов. Говоря же о «напрасных увлечениях вдаль и по сторонам», он мог иметь в виду и принятие частью молодежи методов террористической борьбы. Но в публичном выступлении эта проблема не могла быть, конечно, прямо названа.

Именно в начале весны 1879 г., в атмосфере молодежного возбуждения вокруг него, Тургеневу в какой-то момент показалось, что он может и должен взять на себя роль центральной, объединяющей фигуры в русском освободительном движении. Для выполнения такой задачи надлежало вернуться в Россию [5, с. 87–88]. Как известно, этому намерению не суждено было сбыться.

Откровенно высказаться о «русских делах» по возвращении из России Тургенев позволил себе в беседе с послом Германии во Франции Х. Гогенлоэ, состоявшейся в Париже. Ее содержание тот обстоятельно зафиксировал в дневниковой записи от 13 апреля 1879 г. (разговор состоялся днем ранее). Делясь впечатлениями от недавнего пребывания в России, Тургенев не обошел и тему террора. Немецкий дипломат записывает: «Тургенев отрицает, что жизни царя угрожают нигилистические террористы. В своих террористических актах они исходят из определенной теории, они ставят себе целью наказать чиновников, допускающих грубые нарушения закона и несправедливости, и тем запугать их. Царю они ничего не сделают» [6, с. 439].

Это было сказано за два дня до выстрелов А.К. Соловьева в Александра II (2 апреля 1879 г.). В передаче позиции Тургенева еще не видно

признаков осуждения писателем того, что «Вестник Европы» уже в сентябре 1878 г. назвал «политическим фанатизмом». А вот реакция на соловьевское покушение была разительно иной. «Последнее безобразное известие меня сильно смутило, – писал Тургенев Я.П. Полонскому 5 (17) апреля 1879 г., – предвижу, как будут иные люди эксплуатировать это безумное покушение во вред либеральной партии, которая, именно вследствие своих либеральных убеждений, больше всего дорожит жизнью государя, так как только от него ждет спасительных реформ: всякая реформа у нас в России, не сходящая свыше, немислима. Все это прекрасно... но в результате выйдет то, что именно эта партия и пострадает. Одна надежда на спокойный дух и благоразумие самого государя. Очень я этим взволнован и огорчен... вот две ночи, как не сплю» [1, Письма, т. 12, кн. 2, с. 60–61].

Пострадают вследствие новых гонений, считал Тургенев, не только либералы, но и «прекрасная молодежь». Ее «восторги, надежды, ожидания» – все это опять «должно уйти под землю». Но ведь она может и не помириться с этим – так он рассуждал в письме П.В. Анненкову от 12 (24) апреля 1879 г. [1, Письма, т. 12, кн. 2, с. 65]. Тургенев опасался эскалации противостояния молодежи с властью, усиления позиций радикалов в ее среде, приближения России к серьезному политическому потрясению.

Острота реакции Тургенева на покушение Соловьева объясняется несколькими причинами. Во-первых, тем, что объектом террористической вылазки после двенадцатилетней паузы (покушение поляка А. Млодецкого состоялось 25 мая 1867 г.) вновь стал Александр II, с которым писатель связывал надежды на продолжение преобразований в России. Во-вторых, после возвращения из России, где его триумфально встречала молодежь, Тургеневу показалось, что с терроризмом в русском освободительном движении покончено. Об этом (хоть и осторожно) говорит П.Л. Лавров, с которым писатель делился своими впечатлениями о пребывании на родине: «...Он часто возвращался к общему возбуждению в молодежи, по-видимому, полагая, что терроризм ей надоел, что она от него отворачивается и ищет других, более мирных путей» [5, с. 53]. Покушение Соловьева, утверждает тот же Лавров, «сильно разуверило Ивана Сергеевича, что пора терроризма в России прошла» [5, с. 54].

Лаврову же принадлежит и уникальное свидетельство о том, как менялось отношение Тургенева к личности Александра Соловьева. «Люди, видевшие его часто в это время, сообщали мне о резком переходе, замеченном в его мне-

ниях о Соловьеве, – пишет он. – Сначала Иван Сергеевич был сильно вооружен против него, но потом, выслушав рассказ какого-то высокопоставленного приятеля, передавшего ему, как держал себя Соловьев на суде, его оценка, говорят, совершенно изменилась, и он признавал в Соловьеве замечательный героизм» [5, с. 55]. С подачи Лаврова «замечательный героизм» Соловьева перекочевал в характеристики отношения Тургенева к революционному народничеству 70-х – начала 80-х гг.

А между тем не следует все-таки забывать, что информация, сообщенная Лавровым, получена им, по его же признанию, не из первых рук, и он был заинтересован, кроме того, в приближении писателя к революционному лагерю, хотя постоянно подчеркивал в своих воспоминаниях принципиальный либерализм Тургенева. Впрочем, и в случае с Соловьевым могла проявиться характерная для Тургенева двойственность в отношении к деятелям революционного движения. Оценка действия не должна была обязательно совпадать с оценкой личности, его совершившего. Даже если личность казненного Соловьева и предстала перед Тургеневым в героическом ореоле, его оценка террора как средства политической борьбы по-прежнему оставалась неколебимо враждебной.

В конце 1879 г. Тургенев неожиданно вывел вопрос о своем отношении к русским революционерам в публичную сферу. Это случилось впервые после публикации романа «Новь» («Вестник Европы», 1877 № 1, 2). В ноябре 1879 г. в двух номерах парижской газеты «Temps» при содействии писателя был опубликован (в переводе на французский язык) автобиографический очерк И.Я. Павловского «В одиночном заключении. Впечатления нигилиста». Его автор являлся участником революционного движения. Ему удалось бежать за границу после высылки под надзор в Архангельскую губернию. А перед этим он судился по делу «193-х». Публикацию очерка предваряло письмо Тургенева редактору газеты Адриену Эбруару. В нем говорилось: «Автор – один из тех молодых русских, слишком многочисленных в настоящее время, чьи убеждения правительство моей страны признало опасными и заслуживающими наказания. Нисколько не одобряя этих убеждений, я полагаю, что простодушный и искренний рассказ о том, что он перенес, мог бы не только возбудить интерес к его личности, но и служить доказательством, насколько не может быть оправдано предварительное одиночное заключение в глазах разумного законодательства. <...> Вы увидите, что эти нигилисты, о которых говорят последнее время, не так черны и не так ожесточены, как их хотят представить» [1, Соч., т. 15, с. 117].

Тургеневское предисловие было расценено «Московскими ведомостями» Каткова как «низкопоклонство» и «кувыркание» перед революционной молодежью, в то время как она творит «злодейства невиданные и неслыханные в России во все течение ее тысячелетней истории» [7]. В роли обвинителя выступил небезызвестный Болеслав Маркевич, укрывшийся под псевдонимом «Иногородний обыватель». Еще до появления его статьи Тургенев начал работу по спасению своей либеральной репутации. Поначалу она пошла по эпистолярным каналам (см. письмо Я.П. Полонскому от 10 (22) ноября 1879 г.). В конце концов, Тургенев счел нужным опубликовать свое заявление в виде открытого письма редактору «Вестника Европы». Оно появилось в февральском номере журнала за 1880 г. Политическая автохарактеристика здесь почти дословно воспроизводила самооценку из письма Полонскому. «В глазах нашей молодежи – так как о ней идет речь – в ее глазах, к какой бы партии она ни принадлежала, – писал Тургенев, – я всегда был и до сих пор остался «постепеновцем», либералом старого покроя в английском, династическом смысле, человеком, ожидающим реформ *только свыше* – принципиальным противником революций, – не говоря уже о безобразиях последнего времени» [1, Соч., т. 15, с. 184–185]. Под «безобразиями последнего времени» подразумевался, конечно, «красный» террор народников.

В марте 1880 г. на встрече с демократически настроенными литераторами, состоявшейся на квартире у Глеба Успенского, Тургенев вынужден был высказываться по весьма злободневным вопросам. Так, на вопрос Н.С. Русанова: не думает ли он, что в России «на носу революция» и не видит ли он сходства современной России с предреволюционной Францией конца XVIII века? – писатель ответил следующим образом. «В то время, – сказал он, – во Франции было могущественное оппозиционное течение, и все мыслящие люди, несмотря на различие мнений, соглашались в одном: старый строй должен быть заменен новым. То ли же самое в теперешней пореформенной России? Есть реакционеры, есть либералы, есть революционеры <...>; что между ними общего, что они согласны уничтожить и что сохранить? А пока нет общего могучего течения, в котором сливались бы отдельные оппозиционные ручьи, о революции, мне кажется, рановато говорить»... И сейчас же прибавил: «Впрочем, мне кажется, что в последние два года в России настроение бодрее, как будто увеличивается интерес к общественным делам... Поживем – увидим», – добродушно улыбнулся патриарх-джентльмен [5, с. 275–276].

На той же встрече Тургенев уклонился от ответа на вопрос Вс. Гаршина о его отношении к тому, что русские революционеры, отказавшись от хождения в народ, встали на путь политической борьбы, т.е. перешли к террору. Высказаться он решился только относительно результата хождения в народ. По его мнению, оно потерпело крах по простой причине: могла разве удастся «пропаганда отвлеченностей социализма» в русской деревне [5, с. 279–280]?

Итак, за год до финальной атаки народовольцев на самодержавие Тургенев мог теоретически оправдать общенациональную политическую революцию наподобие французской, не находя, правда, условий для нее в современной России. Разумеется, эта революция не должна была ставиться перед собой социалистических целей.

Смерть Александра II была названа Тургеневым «ужасной» [1, Соч., т. 14, с. 277]. Своим впечатлением от случившегося он поделился в письме П.В. Анненкову от 6, 7 (18, 19) марта 1881 г. Убийство императора, по его мнению, «такой затянуло узел, что не чета гордиеву». В первые дни после трагедии 1 марта Тургенева особенно беспокоила перспектива продолжения террористических актов теперь уже в отношении преемника на престоле, а также наиболее видных государственных деятелей – М.Т. Лорис-Меликова и К.П. Победоносцева. Случись такое, «тогда уж точно, – как говорится: завязавши глаза, да беги на край света – пока мужицкая петля не затянула твоей цивилизованной глотки». А России при таком развитии событий уготована мрачная, страшная участь: «свалится в бездну и сломит себе шею». Первомартовцы, их единомышленники и сподвижники характеризовались Тургеневым под впечатлением от случившегося как «пустоголовые бубны», «вспышечники». Но тут же признавалось, что они представляют собой «силу» [1, Письма, т. 13, кн. 1, с. 72–73].

В статье «Александр III», опубликованной в парижском еженедельнике «La Revue politique et litteraire» 26 марта 1881 г., Тургенев предложил свой прогноз относительно внутренней и внешней политики нового императора. Коснувшись он и темы отношений между ним и существующими в России политическими силами – «ультра-националистической партией», «либералами-конституционалистами» и «нигилистической группировкой». На рубеже 70–80-х годов в «нигилистах» у него ходили теоретики и практики политического терроризма.

Говоря о возможных мерах, которые Александр III может предпринять в отношении «нигилистов», Тургенев выражал надежду, что он «не захочет мстить», но «сумеет предупредить и

наказать» (1, Соч., т. 14, с. 283). Тургеневское «предупредить и наказать» ничуть не противоречило оправданию репрессии, уподобленной «лечению огнем и железом», – оно прозвучало в апрельском «Внутреннем обозрении» «Вестника Европы» [3, 1881, № 4, с. 785].

Что же касается борьбы, которую вели «нигилисты», то она, по мнению Тургенева, не имела никакого смысла с точки зрения успехов конституционной трансформации России. «Их попытки запугать, – говорилось в статье, – могут только остановить его на пути к либерализму, куда ведет его природная склонность; если он сделает несколько шагов в этом направлении, это будет вовсе не потому, что они его запугивают, а несмотря на то, что они угрожают ему» [1, Соч., т. 14, с. 285].

В беседе с М.О. Ашкинази, состоявшейся осенью 1881 г., Тургенев признавался, что «оплакивая» царя, он «оплакивает» и его убийц [5, с. 200]. Но его не оказалось в числе тех, кто попытался спасти первомартовцев от смертной казни. Только далекие от либерализма (и тем более от революционного народничества) Л.Н. Толстой и Вл.С. Соловьев не побоялись подать голос в защиту народовольцев, призвали Александра III последовать «божьей правде», «идеалу любви, прощения и воздаяния добра за зло» [8, с. 134–136].

Выше уже была приведена оценка Тургеневым царевубийства, прозвучавшая в письме П.В. Анненкову. Ее трудно назвать хоть сколь-нибудь сочувственной по отношению к исполнителям смертного приговора «Народной воли» Александру II. Но существует и другое мнение насчет реакции писателя – оно принадлежит П.Л. Лаврову. «Я имею основание думать, – писал он, – что суд, приговор и казнь 3 апреля произвели на него сильное впечатление и что под этим впечатлением написано им стихотворение в прозе «Порог» <...> Я отношу «Порог» к первой половине 1881 года, так как это произведение, очевидно, было навеяно образом Перовской <...>» [5, с. 68].

Если следовать Лаврову, то надо будет признать, что Тургенев, отказавшись от прямых заявлений в пользу участников царевубийства, все-таки не оставил их без выражения своей симпатии в художественной форме. Но принадлежащие писателю эпистолярные оценки, содержание и тональность статьи «Александр III» говорят совсем о другом. В утверждении же Лаврова о связи «Порога» с 1 марта, как и в позиции тех, кто был с ним согласен, явно проглядывает желание видеть Тургенева на стороне народовольцев в момент, когда их противостояние самодержавию достигло своей кульминации.

Исследователи позиции Тургенева в отношении русского революционного движения, конечно же, обратили внимание на фрагмент воспоминаний В.Н. Шаталова, посвященный встрече членов редакции литературного сборника «Отклик» с Тургеневым. Он был введен в научный обиход Б.Г. Окуневым в 1968 г. Встреча В.Н. Шаталова и поэта-народовольца П.Ф. Якубовича с писателем, как утверждает автор воспоминаний, состоялась в Петербурге в первой половине мая 1881 г. Вот как передает мемуарист слова Тургенева, услышанные его молодыми гостями: «...Они (т.е. правительство) думают, – говорил он, – что существует какое-то гнездо революционеров, которое стоит только выдрать (и сделал рукой жест, которым обычно мальчуганы выдирают птичьи гнезда) – перебить всех в этом гнезде, и все будет прекрасно, водворится мир и благоденствие. Они до сих пор не могут понять, что революционное движение пробивается везде и всюду, что оно имеет глубокие корни в обществе, что корни эти питаются соками этого общества и народа» [9, с. 186]. Достоверность сообщенного В.Н. Шаталовым вызывает большие сомнения в свете того, что нам уже известно о настроении Тургенева после 1 марта 1881 г. Их становится еще больше, если принять к сведению тот факт, что воспоминания писались спустя полвека после встречи с писателем.

Вскоре после беседы с издателями «Начала» Тургенев оказался в родном Спасском. Под впечатлением от общения со своими бывшими крепостными он без сожаления констатировал очевидный для него факт: отсутствие здесь признаков надвигающейся российской Жакерии. «Здесь все тихо, – говорилось в его письме Стасюлевичу от 1 (13) июня 1881 г. – Мужички уже успели посетить меня... Глядя на все эти знакомые, патриархально-смирные – или убогие – лица, я никак не могу представить, что вот-вот они меня и т.д. Правда, они все надеялись получить ведерочку водки – и надежда их исполнилась! Посмотрим, что будет далее» [1, Письма, т. 13, кн. 1, с. 93].

В ноябре 1881 г. Тургенев закончил работу над рассказом «Отчаянный» (опубликован в первом номере «Вестника Европы» за 1882 г.). Все писавшие об этом произведении, включая Лаврова, были единодушны в том, что оно несло в себе преимущественно негативное отношение писателя к борьбе «Народной воли». Характеристика героя, включавшая слова «нечто неистовое, какое-то бешенство (вариант: «жажда». – В.К.) самоистребления, какое-то отчаяние» переносилась автором на «нынешних отчаянных», т.е. современную революционную

молодежь. «К концу года, – писал Лавров, опираясь на этот рассказ как главный источник, – Иван Сергеевич относился крайне скептически к русским революционерам, которых он считал – как и многие – окончательно разбитыми и неспособными к дальнейшей энергичической борьбе» [5, с. 68]. Даже тогда, когда он, по его словам, «решительно разочаровался», окончательно потерял «веру в реформы сверху» (январь 1882 г.) и «готов был присоединиться к движению молодежи», он не видел все-таки «возможности движения снизу» [5, с. 70].

«Новь» стала последним романом в творческой биографии Тургенева. Но имеется не одно свидетельство того, что по его завершении он не утратил интереса к большой форме. В начале 80-х гг. Тургенев обдумывал план нового романа, который должен был стать продолжением «Нови». В письме к своему другу, английскому литературному критику и переводчику Вильяму Рольстону от 16 (28) декабря 1881 г. он сообщал о намерении закончить это произведение в течение 1882 г., выражал надежду на то, что оно сразу же будет переведено на английский язык, а на русском языке увидит свет уже в двух первых номерах «Вестника Европы» за 1883 г. Правда, поручиться за исполнимость это плана он пока не решался [1, Письма, т. 13, кн. 1, с. 365–366]. Русский мемуарист Н.М., бывавший у Тургенева в Париже, сообщал, что работа над романом результативно шла, и, говоря о нем, писатель «указывал на лежащую перед ним кипу исписанных листов» [10, с. 156–157].

По замыслу Тургенева, новый роман, как сообщает тот же Рольстон, «должен был иллюстрировать огромную разницу, существующую между социализмом России и социализмом Западной Европы» [10, с. 308]. П.Л. Лавров, с которым писатель часто говорил о своем новом детище, сообщает примерно то же самое: Тургенев «хотел противопоставить тип русского социалиста-революционера типу французского его единомышленника. Эта мысль противоположения русской и западноевропейской передовой природы составляла часто предмет его разговоров <...>» [5, с. 73].

Итогом творческой биографии Тургенева стали материалы к рассказу, текст которых был записан под диктовку писателя Полиной Виардо за несколько дней до его смерти. Рукопись содержит «формулярные списки» персонажей и ведет свое название от № 1 в перечне задуманных действующих лиц – «Наталья Карповна». Действие рассказа должно было происходить в 1880 г. И в этом замысле опять-таки присутствовала тема революционного движения в России.

В списке действующих лиц обращают на себя внимание, в первую очередь, Павел Андреевич и Пимен Пименович. Первый – сын Наталии Карповны, бедной, «доброй, доверчивой, застенчивой» помещицы, находящейся «в прекрасных отношениях со своими бывшими крепостными», – по натуре своей близок к тому типу революционера, который воплощает в «Нови» Нежданов. «На лице выражение доброты, почти как у матери, но с оттенком безумия и неистовства. Принимает внезапные и бесповоротные решения. Очень страстный, очень восторженный, очень [способный] легко поддается чужому влиянию. В глубине души большая печаль, пылкое желание что-то совершить, но все разрушается из-за присущей ему горячности. <...> Но [политика] жажда деятельности его погубит. Он побывал в обстоятельствах, которые ему были совсем не по плечу, и это подорвало его здоровье. В свои годы (ему 27 лет. – В.К.) он уже привык скрываться, быть под надзором и т.д.» [11, с. 266].

Полным контрастом ему является фигура Пимена Пименовича (31 год). Это «новый в России тип – жизнерадостный революционер». Будучи сыном важного чиновника, получил превосходное воспитание, «но все бросил, увлекаемый своим неукротимым духом». «Если попался, ну, что ж, [нужно] приходится начинать сначала! И начинает сначала! Железное здоровье, *геркулесова сила, все переваривает*. [Самая] *Выдающаяся* черта его характера то, что он не выносит несправедливости. <...> Питает безграничное уважение к некоторым громким именам, связанным с революционной историей России. До сих пор ему сопутствовала необыкновенная удача» [11, с. 266].

А. Мазон не без оснований находит в Пимене Пименовиче черты близости с образом Маркелова из «Нови». Но в характеристике нового героя «нет и тени осуждения», «его образ освещен с явно положительной стороны», да и в отличие от Маркелова Пимен Пименович просто привлекателен, красив [11, с. 260].

Если литературная родословная «революционных» персонажей «Наталии Карповны» является без особого труда, то сложнее обстоит дело с установлением реального прототипа «жизнерадостного революционера». Не исключено, что сознание писателя до последних дней его жизни хранило образ Ипполита Мышкина – человека «без малейшего следа гамлетовщины».

Что же можно сказать в заключение? Очевиден факт, на который обратил в свое время внимание известный историк русской литературы Н.К. Пиксанов. «В богатой плеяде русских писателей 60–70-х годов прошлого века, – от-

мечал он во вступительной статье к сборнику «И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников» (1930 г.), – не было ни одного, который бы так интересовался революционерами, как Тургенев» [5, с. XI]. Исследователи общественной мысли и общественного движения в пореформенной России единодушны в том, что никто из русских либералов этой эпохи не продвинулся столь далеко навстречу своим идейным противникам слева, как это сделал автор «Нови». В этой констатации не обошлось, правда, и без преувеличений. Так, даже столь авторитетный знаток истории революционного народничества, как Н.А. Троицкий, утверждал: «В последние годы жизни Тургенев склонялся к тому, чтобы связать свои надежды на силу, способную *принудить* царизм к конституционным уступкам, не с либералами-постепеновцами, а с активными («жизнерадостными») революционерами. Присматриваясь к политической борьбе в России, он все более убеждался в том, что “революционное движение пробивается везде и всюду, что оно имеет глубокие корни в обществе, что корни эти питаются соками этого общества и народа”» [12, с. 31]. Заметим, что «мажорная» концовка в этом утверждении заимствована из уже известных нам, вызывающих сомнения относительно своей достоверности воспоминаний В.Н. Шаталова.

Думается, что реальная картина отношения Тургенева к русским революционерам на рубеже 1870–1880-х гг. противоречивее, сложнее. Да, писатель искренне симпатизировал революционной молодежи, восхищался ее нравственной высотой, способностью к самопожертвованию в борьбе против любых форм угнетения. Он принимал деятельное участие в судьбах многих политических эмигрантов из России, нередко жертвуя собственной репутацией, оказывая им материальную поддержку. У него сложились особо доверительные отношения с П.Л. Лавровым и Г.А. Лопатиным. Писатель до конца своих дней не терял интереса к русскому революционеру как социальному типу, чувствовал потребность в его художественном воплощении. В тургеневских портретах молодых народолюбцев не было ни памфлетности, ни идеализации.

Не отказывая до начала 1880-х гг. революционному движению в «силе», которой он не находил у русских либералов, Тургенев, однако, последовательно, не колеблясь, отвергал его цели и средства. Этот союзник был терпим для него только по достижении конституционной трансформации России. Доминирование же революционно-социалистической темы в последних творческих замыслах писателя, наметки

образа «жизнерадостного революционера» отнюдь не свидетельствовали о нарастании у него оптимизма относительно возможностей радикализма как серьезного политического противника самодержавия после царубийства 1 марта 1881 г.

Список литературы

1. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения: В 15 т. Письма: В 13 т. (15 кн.) М.; Л., 1960–1968. Письма. Т. 12. Кн. 1. В дальнейшем ссылки на это издание (Соч.; Письма) даются в тексте.
2. Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004.
3. Вестник Европы. 1878. № 5.
4. Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966.

5. И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л., 1930.

6. Литературное наследство. Т. 76. И.С. Тургенев. Новые материалы. М., 1976.

7. Московские ведомости. 1879. № 313. 9 дек.

8. Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. М., 1979.

9. Окунев Б.Г. Тургенев и литературный сборник «Отклик» // Русская литература. 1968. № 1.

10. И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1983.

11. Поздний творческий замысел Тургенева. Публикация Андре Мазона // Литературное наследство. Т. 73: Из Парижского архива И.С. Тургенева. Кн. 1: Неизвестные произведения И.С. Тургенева. Л., 1964.

12. Троицкий Н.А. И.С. Тургенев и русское освободительное движение 1870-х гг. // Исторические воззрения как форма общественного сознания: Материалы научной межвузовской конференции (Саратов, 2–4 июня 1993 г.). Часть 2. Саратов, 1995.

IVAN TURGENEV AND RUSSIAN REVOLUTIONARIES (1878–1883)

V.A. Kitaev

The author analyzes Ivan Turgenev's responses to the most significant acts of Populist terror and his assessment of the possibilities and prospects of the revolutionary movement in Russia at the turn of the 1880s. The images of revolutionaries in the writer's latest works and his creative plans are also considered in the article.

Keywords: Ivan Turgenev, Mikhail Stasyulevich, Leonid Polonsky, Pyotr Lavrov, Vera Zasulich, Ippolit Myshkin, Alexander Solovyov, Sophia Perovskaya, Populism, terror, Alexander II, Alexander III, «Virgin Soil», «Doors-ter», «Unskilled Worker and Fine Person», «The Desperate», «Nataliya Karpovna».

References

1. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem. Sochineniya: V 15 t. Pis'ma: V 13 t. (15 kn.) M.; L., 1960–1968. Pis'ma. T. 12. Kn. 1. V dal'nejšem sсыlki na ehto izdanie (Soch.; Pis'ma) dayutsya v tekste.
2. Kitaev V.A. Liberal'naya mysl' v Rossii (1860–1880 gg.). Saratov, 2004.
3. Vestnik Evropy. 1878. № 5.
4. Kropotkin P.A. Zapiski revolyucionera. M., 1966.
5. I.S. Turgenev v vospominaniyah revolyucionerov-semidesyatnikov. M.; L., 1930.
6. Literaturnoe nasledstvo. T. 76. I.S. Turgenev. Noveye materialy. M., 1976.
7. Moskovskie vedomosti. 1879. № 313. 9 dek.

8. Troickij N.A. Carizm pod sudom progressivnoj obshchestvennosti. 1866–1895 gg. M., 1979.

9. Okunev B.G. Turgenev i literaturnyj sbornik «Ot-klik» // Russkaya literatura. 1968. № 1.

10. I.S. Turgenev v vospominaniyah sovremennikov. V 2 t. T. 2. Izd. 2-e. M., 1983.

11. Pozdnij tvorcheskij zamysel Turgeneva. Publikaciya Andre Mazona // Literaturnoe nasledstvo. T. 73: Iz Parizhskogo arhiva I.S. Turgeneva. Kn. 1: Neizvestnyye proizvedeniya I.S. Turgeneva. L., 1964.

12. Troickij N.A. I.S. Turgenev i russkoe osvoboditel'noe dvizhenie 1870-h gg. // Istoricheskie vozzreniya kak forma obshchestvennogo soznaniya: Materialy nauchnoj mezhvuzovskoj konferencii (Saratov, 2–4 iyunya 1993 g.). Chast' 2. Saratov, 1995.